

ях большинства, «удержанию» активного участия правительственных структур в избирательных кампаниях. Фактически парламентское большинство этих партий позволяли принимать им «в одиночку» решения об изменении конституционных норм, принятии конституционных законов, не говоря уже о текущем законодательстве.

Очевидно, что система организации выборов требует перманентной ее модернизации с целью оптимизации и демократизации избирательного процесса.

2.3. Антикриминальная (уголовная) политика как регулятор общественных отношений

Право – в его объективном смысле – в современном мире исполняет роль базового социального регулятора, с одной стороны, упорядочивающего и охраняющего общественные отношения, стремясь разрешать неизбежные противоречия, не доводить их до конфликта и сохранять социальную стабильность, с другой – обеспечивающего охрану правопорядка путем противодействия правонарушениям и реализации принципа неотвратимости юридической ответственности виновных лиц в соответствии с законом.

Функция охраны сложившейся системы правоотношений и противодействия правонарушениям как разновидности девиантного поведения не является главной задачей права ввиду относительно небольшой доли правонарушений и правонарушителей в стабильном обществе (за исключением периодов т.н. «социальной дезорганизации» и «аномии»[64]), тем не менее не может недооцениваться, поскольку правонарушения, включая преступления, являются неизбежной «функцией» любого общества. В этом смысле, как отмечает, например, В.В. Лунеев, «возникновение уголовного права может быть представлено в виде средства правовой самозащиты общества от институционализированных форм общественно опасного поведения» как условие «выживания человечества в условиях постоянно растущей криминализации общественных отношений» [115, с. 20,22].

Охранительная функция права, обеспечивающая защиту наиболее важных социальных и личных отношений, включает в свой состав юридическую ответственность, характеризующуюся, в значительной степени, карательной направленностью. Можно с уверенностью сказать, что эта составляющая, под которой следует понимать правовое воздействие принудительного характера на определенный круг общественных отношений, выступает в качестве одной из базовых функций уголовного закона (в широком его смысле). Данное воздействие осуществляется судами, правоохранительными и другими компетентными органами к правонарушителям в виде конкретных мер «наказания» или правовой репрессии.

Формой реализации рассматриваемой функции права является антикриминальная (уголовная) политика.

Исследуемая проблема связи уголовно-правового регулирования (как, впрочем, и правового в целом) с объективными требованиями общественного развития сопряжена с целым рядом теоретических и прикладных вопросов правовой доктрины, в частности, с далеко неоднозначно решаемым вопросом установления пределов вмешательства права в регулирование общественных отношений. В теории права эти пределы правового регулирования характеризуются достаточно абстрактно как «мера допустимого, необходимого и достаточного правового воздействия на общественные отношения, обусловленная действием ряда объективных и субъективных факторов» [16, с. 45], которое реализуется путем применения специальных юридических средств. Отсюда следует, что для выявления указанных пределов, необходимо выяснить содержание и границы «допустимого, необходимого и достаточного» в правотворчестве и правоприменении, что, в свою очередь, определяется во многом типом правопонимания.

Мы исходим из либертарно-юридической концепции права, понимая под правом (в отличие от закона) «сущность права», а именно – «то, что объективно присуще праву, выражает его отличительную особенность как социальной нормы и регулятора особого рода и отличает право от неправа (от произвола, с одной стороны, от моральных, религиозных и иных социальных норм, с другой стороны), т.е. то, что не зависит от субъективной воли и произвола законодателя (правоустановительной власти)» [128, с. 3].

Основываясь на таком понимании соотношения права и закона – как его юридического выражения, можно предположить, что объективные границы допустимого в правом регулировании применительно к уголовной политике, определяются принципами уголовного права, легализованными в уголовном законе: «законности, равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности, личной виновной ответственности, справедливости и гуманизма» [228].

Уголовная политика как форма выражения охранительной функции права отражает назревшие потребности уголовно-правового регулирования, определяемые, с одной стороны, объективными факторами общественного развития, с другой – субъективного порядка. С.С. Алексеев отмечал в связи с этим, что «если рассматривать правовое регулирование с точки зрения его возможностей, то обнаруживаются объективные пределы правового регулирования. Право достигает своих целей и действительно регулирует общественные отношения лишь постольку, поскольку требуемое нормами права поведение людей объективно возможно, отвечает созревшему экономическим и политическим условиям» [9, с. 8]. Отсюда следует, что необходимость и границы правового регулирования зависят, главным образом, от неюридических факторов, которые обусловлены «природой человека, историческими, политическими, экономическими, культурными, религиозными и иными факторами» [180, с. 281].

Ввиду того, что формирование соответствующих правовых норм осуществляется властью в лице государства исходя из ее собственных интере-

сов и потребностей и субъективного понимания необходимости правового вмешательства в общественные отношения, пределы правового регулирования зависят также от «усмотрения государства» и «конструируется человеком» [220, с. 161], поскольку законы пишутся и реализуются людьми.

Вопрос о том, отражает ли уголовная политика актуальные криминальные вызовы, насколько она адекватна современному уровню общественных отношений, спорный.

В доктрине права и криминологии до настоящего времени нет единого мнения даже по содержанию понятия «уголовная политика», не говоря уже о критериях упомянутой выше адекватности.

При обобщении разнообразных точек зрения на уголовную политику в доктрине уголовного права, ее можно определить как деятельность государственных органов по борьбе с преступностью и ее предупреждению, осуществляемую в соответствии с уголовно-правовым и процессуальным законодательством посредством применения уголовного наказания или иных мер уголовно-правового характера к лицам, совершившим преступление. Следует отметить лаконичное определение уголовной политики в докторской диссертации И.М. Клейменова, рассматривающего ее как «целеустремленную системную деятельность по ограничению преступности средствами государственного принуждения» [91, с. 267].

В правовой доктрине понятия «уголовная политика» и «уголовно-правовая политика», как правило, отождествляются, что, видимо, не корректно. Уголовная политика, как разновидность государственной политики, включает в себя как законодательный элемент, так и правоприменительную практику, т.е. систему мер по противодействию преступности, основывающаяся не только на уголовном, но и на уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном, административном законодательстве, и не только средствами правовой репрессии. В любом случае указанные подходы к определению антикриминальной (уголовной) политики носят формальный характер, не отражая ее качественную сторону, ее соответствие (или противоречие) сформировавшимся объективным общественным потребностям.

В.А. Номоканов указывает, «в порядке постановки вопроса», следующие критерии «оптимальности (адекватности) уголовной политики»: положительное влияние изменений уголовного законодательства на состояние, особенности и социальные последствия преступности; объективно необходимые предпосылки для криминализации (декриминализации) определенных деяний; криминологическая обоснованность антикриминальной политики (справедливо отмечая общую проблему недостаточной востребованности правовых и криминологических разработок в правотворческой деятельности) [131].

Французскому социологу и криминологу Ж.Г. Тарду, одному из основателей субъективно-психологического направления в социологии, принадлежит известная формула: «какова социальная организация, такова и преступность» [221, с. 184]. Данный подход отражает не только то очевидное обстоя-

тельство, что объективное право (включая и его уголовно-правовую составляющую) как взаимосвязь законодательства и правоприменительной практики оказывает формирующее воздействие на общественные отношения и само является отражением уровня и качества состояния общества. Это еще и свидетельство того, что «в реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по своим внутренним, имманентным, содержательным свойствам...Преступление и преступность – понятия релятивные (относительные), конвенциональные («договорные»: как «договорятся» законодатели), они суть – социальные конструкты, лишь отчасти отражающие социальные реалии» [44, с. 7]. Преступность по Я.И. Гилинскому, это «относительно распространенное (массовое), статистически устойчивое социальное явление, разновидность (одна из форм) девиантности, определяемая законодателем в уголовном законе (выделено нами – В.С.)» [45, с. 37].

Развитие уголовного законодательства, определяемое социальными процессами, порождающими (объективно) расширение нормативных правил и, следовательно, ответственности за их нарушение, происходит, как отмечает М.М. Бабаев, «преимущественно в одном направлении – криминализации все новых и новых форм общественно опасного поведения» [13, с. 4].

Расширение сферы правового регулирования сопровождается увеличением законодательных норм и, следовательно, усилением ответственности за их нарушение.

Криминализация все новых форм общественно опасного поведения, сопровождающаяся ростом числа норм уголовного законодательства и соответствующим расширением сферы применения уголовной репрессии, а также расширительным, а иногда и произвольным толкованием этих норм, во многих случаях детерминирована, главным образом, интересами государственной власти по нейтрализации социальных противоречий, предотвращению их перерастания в конфликтные формы, стремлением к укреплению своих управленческих возможностей и усилению государственного властного контроля.

Качество и содержание охранительной функции права изменчивы, так как связаны с меняющимся характером социальных отношений, а также с трансформацией общественных ценностей, защищаемых уголовным законом. Кроме того, характер антикриминальной политики, так же, как и степень уголовной репрессии, в существенной степени формируется особенностями действующего правового и политического строя, а также, как уже отмечалось, ролью субъективных факторов. Исследователи замечают, что зачастую сам процесс криминализации тех или иных деяний, имеет политический характер, выступая «средством укрепления существующего государственного строя». Американский социолог Р. Куинни замечает в связи с этим: «Криминальная реальность в обществе основывается на определении преступного и непроступного... Будет ли то или иное деяние оценено в качестве преступного или непроступного, определяет класс, имеющий власть и доступ к правотворчеству» [86, с. 191].

В западной криминологии в последние годы для характеристики уголовной политики, в основе которой лежит «тенденция отдавать предпочтение карательным санкциям и пренебрегать примирительными санкциями в правотворчестве и правоприменении», активно используется понятие т.н. «пунитивного» (от лат. *punio* – наказывать, карать) законодательства. Данное понятие включает в себя «карательный менталитет, или потребность в наказании, исходящий от отдельных лиц», отражающийся, прежде всего, в средствах массовой информации и пропаганде» [245, с. 114].

Оценивая характер и эффективность уголовной политики, следует иметь в виду, что правовое воздействие, основанное на жестком социальном контроле и уголовной репрессии, имеет пределы эффективности. Известный российский цивилист начала XX века Г.Ф. Шершеневич отмечал в связи с этим, что «независимая, высшая, неограниченная и неделимая» государственная власть, является одновременно и ограниченной, поскольку «произвол государственной власти встречает ограничение в нравственных воззрениях и в интересах подвластных» [256, с. 41].

Следует отметить, что процессы правотворчества и правоприменения в кризисных условиях зачастую происходят под воздействием тактических интересов. При этом меры уголовной политики, демонстрирующие тактическую действенность, стратегически могут затушевывать реальные противоречия и криминогенные факторы. Необходимо учитывать в то же время и действие фактора, получившего в криминологической литературе наименование «охлаждающего эффекта», проявляющегося в том, что субъект права отказывается от реализации своего легального права, поскольку опасается применения к нему правовой санкции, хотя сам способ реализации права общественной опасности не имеет [1].

Современное уголовное законодательство Республики Беларусь, как неоднократно отмечалось в юридической литературе, «имеет чрезмерную динамичность. Как правило, столь частые корректировки обусловлены социально-экономическими изменениями в состоянии и тенденциях развития преступности и поиском государством новых оптимальных средств уголовно-правового воздействия» [68].

Анализ корректив, внесенных в УК Республики Беларусь за последние годы, с очевидностью данный вывод подтверждает.

Под влиянием политических событий последних лет, например, произошло существенное ужесточение уголовного, уголовно-процессуального, административного законодательства страны.

Внесен ряд изменений в законодательные акты, ужесточивших правовую ответственность за нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий, по вопросам противодействия экстремизму и терроризму (Закон Республики Беларусь «О массовых мероприятиях от 30 декабря 1997 г. № 114-3 (в редакции Закона 24 мая 2021 г. № 108); Закон Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-3 «О противодействии экстремизму» в редакции Закона 14 мая 2021 г. № 104-3); Закон Республики Бела-

республики «О гражданстве Республики Беларусь» от 1 августа 2002 г. № 136-З (в редакции Закона 5 января 2023 г. № 242-З) и др. Приняты новые законы: Закон Республики Беларусь от 5 января 2022 г. № 146-З «О геноциде белорусского народа», Закон от 14 мая 2021 г. № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма» с внесением соответствующих изменений в УК.

Законами Республики Беларусь: от 6 января 2021 г. № 85-З; от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности»; от 14 декабря 2021 г. № 133-З «Об изменении Уголовного кодекса Республики Беларусь», от 4 января 2022 г. № 144-З «Об изменении кодексов», от 5 января 2022 г. № 146-З, от 13 мая 2022 г. № 165-З «Об изменении Уголовного кодекса Республики Беларусь», от 9 марта 2023 г. № 256-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» – изменены нормы УК, ужесточающие уголовную ответственность.

Так, криминализирован ряд деяний путем дополнения УК ст. 130.2. «Отрицание геноцида белорусского народа», ст. 193.1. «Незаконные организация деятельности общественного объединения, религиозной организации или фонда либо участие в их деятельности», ст. 289.1. «Пропаганда терроризма», ст. 341.1 «Пропаганда или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики», ст. 342.2 «Неоднократное нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий», ст. 361.4. «Содействие экстремистской деятельности», ст. 361.5. «Прохождение обучения или иной подготовки для участия в экстремистской деятельности», ст. 375.1 «Незаконное собирание либо получение сведений, составляющих государственные секреты», ст. 375.2. «Нарушение требований по защите государственных секретов», ст. 423.1. «Неисполнение решения о признании организации, деятельности индивидуального предпринимателя экстремистскими, о прекращении деятельности представительства иностранной или международной организации и (или) приостановлении их деятельности» .

Изменены ч. 1 ст. 59 и ч. 2 ст. 67, расширившие применение смертной казни – расстрела, в том числе за покушение на совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 124, ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 289 и ч. 2 ст. 359 УК.

Ужесточены санкции ч. 2 ст. 290.2 «Содействие террористической деятельности», ст. 324. «Угроза опасным использованием радиоактивных материалов», ст. 356 «Измена государству», ст. 357. «Заговор или иные действия, совершенные с целью захвата государственной власти», ст. 358. «Шпионаж», ст. 360. «Диверсия», ст. 361. «Призывы к мерам ограничительного характера (санкциям), иным действиям, направленным на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь», 361.1. «Создание экстремистского формирования либо участие в нем», ст. 361.2. «Финансирование экстремистской деятельности», ст. 363. «Сопrotивление сотруднику органов внутренних дел или иному лицу, охраняющим общественный порядок», ст. 369. «Оскорбление представителя власти и их близких», ст. 369.1. «Дискредитация Республики Беларусь»,

ст. 373 «Умышленное разглашение государственной тайны», ст. 375. «Умышленное разглашение служебной тайны»

Следует отметить также, что диспозиция вводимых статей, усиливающих карательную направленность уголовного регулирования, не всегда достаточно конкретна и определена, что порождает возможность субъективистской оценки деяний и их расширительной трактовки в правоприменении.

Уголовно-правовая репрессия – это наиболее радикальный метод регулирования общественных отношений, следовательно, основания его применения должны быть недвусмысленно установлены в законе, а его использование должно быть законодательно ограничено и обосновано.

Результативность правового регулирования требует инициативного взаимодействия власти и общества. Необходимо, чтобы не только государство, но и сам социум проявлял желание разрешить ту или иную проблему, входящую в круг государственных полномочий.

Особо здесь следует отметить явно недооцениваемую в наших условиях значение криминологического знания для формирования оптимальной уголовной политики. Криминология не только создает теоретическую основу противодействия преступности путем обобщения и анализа эмпирического материала, но и интегрирует знания других наук о криминальном поведении, что позволяет имплементировать их далее в правовое поле.

В доктрине уже высказывалась мысль о необходимости создания некоего постоянно действующего независимого экспертного совета в целях оптимизации антикриминальной политики и повышения роли в ней криминологического знания [108]. В условиях Беларуси подобную функцию мог бы сыграть, например, Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

2.4. Особенности функционирования государственного сектора экономики Китая: правовой аспект (анализ на основе «Теории экономического права»)

Для экономики союзного государства (Россия и Беларусь) важное значение приобретает опыт одного из ведущих стран на мировой арене – Китайской Народной Республики. Так, 1 марта 2023 года Президент Белоруссии Александр Лукашенко и Председатель КНР Си Цзиньпин «договорились, в частности, активнее использовать в двусторонних отношениях национальные валюты, поставлять друг другу высококачественную сельхозпродукцию, развивать китайско-белорусский индустриальный парк и вместе вести научные исследования, укреплять сотрудничество в сфере обороны и взаимодействовать в рамках ШОС (Минск подал заявку на членство в организации в 2022 году)» [255]. При этом важно отметить, что в 2022 году товарооборот между двумя странами составил \$5,79 млрд.